

ГАЭЛЬ ФАЙ

Маленькая страна

CoRpus

Страна маленькая,
роман — великий!

BAZ'ART

Гаэль Фай
Маленькая страна

«Corpus (ACT)»

2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84 (4Фра)-44

Фай Г.

Маленькая страна / Г. Фай — «Corpus (АСТ)», 2016

ISBN 978-5-17-105001-6

Великолепный первый роман молодого музыканта Гаэля Фая попал в номинации едва ли не всех престижных французских премий, включая финал Гонкуровской, и получил сразу четыре награды, в том числе Гонкуровскую премию лицеистов. В духе фильмов Эмира Кустурицы книга рассказывает об утраченной стране детства, утонувшей в военном безумии. У десятилетнего героя “Маленькой страны”, как и у самого Гаэля Фая, отец – француз, а мать – беженка из Руанды. Они живут в Бурунди, в благополучном столичном квартале, мальчик учится во французской школе, много читает и весело проводит время с друзьями на улице. Он старается не замечать родительских ссор и не понимает, чего так боится его красавица мать, умоляющая мужа срочно увезти семью во Францию. Между тем в стране назревает гражданская война, а в соседней Руанде готовится чудовищный геноцид. Этот пронзительный и поэтичный роман переведен на 30 языков.

УДК 821.133.1-31

ББК 84 (4Фра)-44

ISBN 978-5-17-105001-6

© Фай Г., 2016

© Corpus (АСТ), 2016

Содержание

Пролог	6
1	9
2	10
3	14
4	16
5	18
6	20
7	22
8	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Гаэль Фай

Маленькая страна

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Éditions Grasset & Fasquelle, 2016

© Н. Мавлевич, перевод на русский язык, 2018

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018

© ООО «Издательство Аст», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Жаклине

Пролог

Не знаю толком, с чего все это началось.

Хотя папа еще давно, когда однажды мы все ехали в пикапе, объяснял:

– В Бурунди, как в Руанде, есть три народности, говоря по-научному, этнических группы.

Самая большая – хуту. Они невысокие и носатые.

– Как Донасьен? – спросил я.

– Нет, Донасьен – заирец, это не то. А вот как, например, Протей, наш повар. Другая группа – тва, или пигмеи. Но они, можно сказать, не считаются, их слишком мало. И третья – тутси, как ваша мама. Их гораздо меньше, чем хуту, они высокие, с тонкими носами, и никогда не знаешь, что у них в голове. Ты, Габриэль, – он ткнул в меня пальцем, – настоящий тутси, никогда не знаешь, что ты думаешь.

На этот раз я и сам не знал, что думаю. Что можно думать о таких вещах? И я спросил:

– Тутси и хуту воюют из-за того, что у них разные территории?

– Нет, они живут в одной стране.

– Тогда из-за того, что у них разные языки?

– Нет, они говорят на одном языке.

– Может, у них разные боги?

– Нет, бог у них один и тот же.

– Ну так из-за чего они воюют?

– Из-за того, что у них разные носы.

На этом разговор окончился. Все-таки странная история. По-моему, папа и сам не очень понимал, в чем дело. Но с того дня я начал обращать внимание на рост и форму носа каждого встречного. Когда нас с сестренкой Аной брали в центр города и водили по магазинам, мы втихомолку гадали, кто хуту, а кто тутси. Шептались между собой:

– Вон тот, в белых штанах, наверняка хуту – он маленький, с толстым носом.

– Ага, а этот, в шляпе, длинный, тощий и с тоненьким носом, – тутси.

– А вон еще хуту – в полосатой рубашке.

– Нет, посмотри: он худой и высокий.

– Да, но какой толстый нос!

Как-то не очень верилось в эти этнические объяснения. К тому же папа подобных разговоров не любил. Нечего детям, говорил он, соваться в политику. Мы бы и рады, да никак не получалось. День ото дня нагнеталась какая-то странная атмосфера. Даже в школе ребята то и дело ссорились и обзывали друг друга хуту или тутси. Когда показывали “Сирано де Бержерака”, кто-то сказал: “Глядите, он тутси – нос-то какой!” Изменился сам воздух. И это чуял каждый, какой бы нос у него ни был.

Желание вернуться – вечное мое наваждение. Не проходит и дня, чтобы та страна хоть как-то не напомнила о себе. Неясный звук, легкий запах, закатный свет, чей-то жест или просто молчание – любая малость может разбудить память о детстве. “Ты ничего там не найдешь, кроме руин и призраков”, – твердит мне Ана. Она и слышать не желает о “проклятой стране”. Я слушаю ее. Я верю ей. Она всегда была разумнее меня. И гоню прочь эту мысль. Твердо решаю никогда туда не возвращаться. Я живу тут. Во Франции.

Но по-настоящему мне не прижиться нигде. Прижиться где-то значит телесно слиться с этими местами, с каждым оврагом и пригорком. Тут – ничего подобного. Тут я не житель, а жилец. Тут я располагаюсь, проживаю, квартирую. Мое жилище служит мне ночлегом и выполняет чисто прагматичные задачи. Оно пахнет свежей краской и новым линолеумом. Соседи – совершенно незнакомые люди, мы приветливо избегаем друг друга на лестнице.

Я живу и работаю в парижском предместье. Сен-Кантен-ан-Ивлин. Линия С скоростной пригородной электрички. Городок новый, как жизнь без прошлого. Понадобились годы, чтобы я, как говорится, интегрировался. Нашел постоянную работу, квартиру, обзавелся друзьями, привычками.

Знакомиться я люблю по интернету. На один вечер или несколько недель. Девушки разные, и все, как на подбор, красавицы. Я с наслаждением выслушиваю их рассказы о себе, вдыхаю запах их волос и забываюсь в кольце их рук и ног, в их податливой плоти. Все до единой обязательно задают один и тот же опостылевший вопрос: “Кто ты по происхождению?” Вопрос естественный. Обычный. Почти неизбежный при первой встрече. Моя бронзовая кожа у многих вызывает любопытство – представи им свою родословную. Я отвечаю: “Человек”, – и это их раздражает. А я ведь никого не хочу задеть. Не строю из себя зануду или умника. Просто зарекся обсуждать, кто я такой, еще когда пешком под стол ходил.

Время идет. У меня отработанная техника. Девушки говорят, а я слушаю. Им это нравится. Я пью. Глотаю крепкое спиртное. Пока не наберусь настолько, что заглушу свою природную честность. И не превращусь в коварного охотника. Смешу их. Соблазняю. И уже в шутку заговариваю сам о своем происхождении. Принимаю таинственный вид. Играем в кошки-мышки. Жестоко говорю, что моя идентичность оплачена трупами. Они не просекают. Им хочется, чтоб было весело. Смотрят глазами лани. Я начинаю их хотеть. Некоторые не против. Такой оригинал. Со мной приятно поразвлечься, но недолго.

Желание вернуться – вечное наваждение. Я, как могу, стараюсь от него отделаться, отбросить подальше. Страшно опять столкнуться с тем, о чем хочешь забыть, страшно разбередить все ужасы, оставшиеся там, на родине. Вот уже двадцать лет я постоянно возвращаюсь, ночью – во сне, днем – в мыслях, в свой район, в тот тупик, где я счастливо жил среди родных и друзей. Неизгладимые отпечатки детства – на что они мне? Когда все хорошо, я думаю, что в них источник моих сил и чувств. А когда надерусь, мне кажется, что это из-за них я такой неприкаянный.

Только и делаю, что блуждаю по жизни. Все мне интересно. И ничто не увлекает. Не захватывает. Я пустышка, ни то ни се. Иной раз уцеплю себя. Взгляну со стороны – как выгляжу на людях, на работе, с сослуживцами. Неужели тот парень в зеркале лифта – это я? Или вон тот, что сидит рядом с кофемашиной и натужно смеется? Не узнаю себя. Я приехал из очень далеких краев и никак не привыкну к тому, что я здесь. Коллеги обсуждают погоду и телепрограмму. Я их не слушаю. Я задыхаюсь. Оттягиваю воротник рубашки. Я обмотан одежкой. Обут в начищенные до противного блеска туфли. Что с моими ногами? Они упряты. Я так давно не видел их вольно гуляющими босиком. Выглядываю в окно. Там низкое серое небо. Моросит липкий дождь. И нету мангового дерева в крохотном скверике между торговым центром и железной дорогой.

В тот вечер сразу после работы я свернул в первый попавшийся бар, напротив вокзала. Уселся около настольного футбола и заказал стаканчик виски в честь своего дня рождения – мне исполнилось тридцать три года. Набрал мобильный номер Аны – не отвечает. Дозванивался долго и упрямо. Пока не вспомнил, что она сейчас в Лондоне, по делам. А я хотел ей рассказать про утренний телефонный звонок. Это же знак судьбы. Я должен туда съездить. Хотя бы для душевного покоя. Раз и навсегда избавиться от того, что меня гложет и гложет. Закрывать за собой эту дверь насовсем. Я заказал еще виски. Тут мои мысли перебил телевизор, висевший над баром. Новостной канал показывал хронику: бежущих от войны людей. Я видел, как они на чем придется причаливают к европейскому берегу. Как вылезают их полуживые от холода, голода и жажды детишки. В безумной мировой игре они поставили на кон свою жизнь. А вот они на президентской трибуне, их усадили там с комфортом, раздали по стакану виски. Все будут думать, что они спаслись из ада и попали в Эльдorado. Чушь! Никто

и не обмолвится о том, что их страна живет у них внутри. В новостях не говорят о лирике. А это ведь единственное, что выносит человек из всего жизненного пути. Я отвернулся от экрана, там показывают правду, но не всю. Может, когда-нибудь эти дети напишут о главном. Мне стало так тоскливо, будто я очутился на пустой стоянке посреди зимней трассы. Так каждый раз в день рождения – меня накрывает хандра, как тропический ливень, стоит только подумать о папе, маме, о друзьях и о том далеком дне, когда мы устроили праздник в саду, над выпотрошенной крокодильей тушей...

1

Мне никогда не узнать, из-за чего на самом деле разошлись родители. Но думаю, тут с самого начала было какое-то глубинное недоразумение. Производственный дефект в самой встрече, мелочь, которой никто не увидел или не пожелал увидеть. В то давнее время родители были молодыми и красивыми. Сердца их пылали надеждой, как солнце начальной поры независимости. Это надо было видеть! Папа в день свадьбы, надев на палец невесты кольцо, был безумно счастлив. Конечно, он и сам был недурен собой, настоящий мужчина: ясные глаза, русые с золотистыми прядями волосы, осанка викинга. Но до мамы ему было далеко, мама – само совершенство с головы до ног. Таких красивых, длинных, стройных ног! Женские взгляды они превращали в ружейные дула, а мужские притягивали, как приоткрытые жалюзи. Папа, в ту пору молоденький французский парень, родом из департамента Юра, проходил в Бурунди альтернативную службу; местный пейзаж ничем не отличался от родного бургундского, но не было там девушек с такой походкой, как у мамы, тонких и гибких, как тростинки, высоченных, что твой небоскреб, с эбеновой кожей и огромными глазами буйволиц. Его можно понять! На их свадьбе расстроенные гитары наяривали беззаботную румбу, и само счастье лихо насвистывало ча-ча-ча под небом, усеянным звездами. Готово дело! А дальше лафа! Живи. Люби. Веселись. Существовай. Дуй напрямиком, не оборачивайся, пока не кончится дорожка, а то, глядишь, и подальше.

Но мои родители были подростками-шалопаями и не могли так сразу превратиться в ответственных взрослых. Они еще не успели выйти из переходного возраста, с его шальными гормонами и ночными гулянками, а тут изволь выкинуть пустые бутылки, вытряхнуть из пепельниц окурки косяков, убрать подальше пластинки с психоделическим роком, сложить на полку джинсы клеш и пестрые рубашки. Конец веселью! Налоги, дети, обязанности, быт – все это свалилось на них слишком рано и слишком быстро, мало того – еще в придачу душевный кризис, бандиты на дороге, диктаторы и государственные перевороты, программы структурной адаптации, утраченные идеалы; светлое утро не хотело наступать, и солнечное будущее с каждым днем скукоживалось. От действительности не убежишь. Грубой. Жестокой. Детское разгильдяйство сменилось деспотичной, как неумолимое тиканье часов, размеренностью. Зов естества вернулся бумерангом и здорово огрел моих родителей по башке. Они поняли, что приняли влечение за любовь и каждый видел другого таким, как сам себе нарисовал. У них были общие иллюзии, но разные мечты. Мечта у каждого была своя, каждый эгоистически держался за нее и не желал подделываться под другого.

Но в то давнее время, еще до всего, когда еще не началось то, о чем пойдет мой рассказ, и все прочее, мы жили счастливо, просто жили и ни о чем не задумывались. Все шло как шло, по заведенному, и мне хотелось, чтобы так оно и продолжалось. Жизнь походила на мирный, сладкий сон, и никакой комар не зудел у тебя в ухе, и не долбили голову вопросы. В то счастливое время, когда меня спрашивали: “Как дела?” – я мгновенно выпаливал: “Хорошо!” Совершенно бездумно. Когда ты счастлив, думать незачем. Это потом уже я начал вслушиваться в смысл вопроса. Прикидывать, все ли так хорошо. Не сразу отвечать, а шевелить мозгами. Впрочем, не я один, то же самое произошло со всей страной. “Так себе”, – отвечали теперь люди. Потому что после всего, что случилось, все не могло быть совсем хорошо.

2

Первая трещина в счастливой жизни, по-моему, образовалась в День святого Николая, когда мы все сидели на большой террасе Жака в Заире, в городе Букаву. Обычно мы приезжали к старику раз в месяц. В тот день мама поехала с нами, хотя они с отцом вот уже месяц как почти не разговаривали. Перед отъездом зашли в банк снять наличные. На выходе папа сказал: “Ну, мы миллионеры!” Инфляция в Заире при Мобуту была так высока, что стакан воды стоил полмиллиона.

По ту сторону границы начинался другой мир. Бурундийская флегма сменялась заирской кутерьмой. В шумной толкучке люди охотно общались друг с другом, перекликались и ругались, как на скотопригонном рынке. Грязные горластые дети прицельно поглядывали на зеркальца, дворники и забрызганные жидкой грязью запаски, вереницы коз продавались за несколько тачек денег, девочки-матери лавировали между стоящими впритирку фурами и фургончиками и торговали с рук крутыми яйцами с щепоткой крупной соли и пакетиками соленого арахиса, нищие со скрюченными полиомиелитными ногами выпрашивали пару миллионов, чтобы пережить ужасные последствия падения Берлинской стены, а какой-то проповедник, взгромоздившись на капот раздолбанного “мерседеса” и потрясая Библией на суахили в обложке из кожи королевского питона, оглушительно возвещал близкий конец света. В ржавой караульной будке сидел на корточках солдат и лениво обмахивался мухобойкой. Пропитанный бензиновыми парами жаркий воздух сушил глотку таможенника, которому давным-давно не платили жалованья. Все дороги были в неистребимых колдобинах и выбоинах, калечивших машины. Это, однако, не мешало ему самым тщательным образом проверять у каждой качество резины, уровень воды в радиаторе и исправность поворотников. Если, вопреки ожиданию, все оказывалось в норме, он требовал для въезда на территорию страны свидетельство о крещении или первом причастии.

В тот день папа не выдержал и дал таможеннику взятку, чего тот и домогался всеми своими нелепыми фокусами. Шлагбаум наконец поднялся, и мы поехали дальше, мимо дымящихся горячих источников.

Не доезжая до Букаву, вскоре после городка Увира мы остановились купить банановых пончиков и жареных термитов в кульках. Над витринами здешних кафешек красовались самые невероятные вывески: “У Фуке с Елисейских Полей”, снэк-бар “Жискара д’Эстен”, ресторан “Дуть как дома”. Когда папа достал фотоаппарат, чтобы запечатлеть эти шедевры и прославить остроумие местных жителей, мама фыркнула и презрительно сказала, что он упивается экзотикой для белых.

Чудом не передавив десяток уток, кур и детишек, мы все же прибыли в Букаву, этот райский сад на озере Киву, город, построенный когда-то в футуристическом духе с вкраплениями ар-деко. У Жака нас ждал накрытый стол. Свежайшие креветки прямо из Момбасы. Папа так и сиял:

– Конечно, с блюдом хороших устриц не сравнить, но как приятно иногда вкусно поесть!

– Что ты говоришь, Мишель! Тебя плохо кормят дома? – не слишком ласково спросила мама.

– Конечно! Этот негодяй Протей каждый день пичкает меня своими африканскими углеводами. Поджарить антрекот и то не умеет как следует.

– И не говори! – подхватил Жак. – Мой повар, макака этакая, вечно все пережаривает – от этого якобы погибают паразиты. Я уж забыл, когда ел хороший бифштекс с кровью. Вернусь в Брюссель – первым делом пройду антигельминтный курс.

Все засмеялись. Только мы с Анной на своем конце стола сидели тихо. Мне было десять лет, Ане – семь. Может, поэтому мы не могли оценить юмор Жака. Да и все равно нам строго-

настрога запрещалось говорить – только если кто-нибудь к нам обратится. Это было непреложное правило, когда нас брали в гости. Папа терпеть не мог, когда дети вмешивались в разговоры взрослых. Особенно в доме Жака, который был для него почти что вторым отцом, примером для подражания, настолько, что он, сам того не сознавая, копировал его словечки, жесты, манеру говорить. “Это он открыл мне Африку!” – говаривал он маме.

Жак, отвернувшись от стола и пригнувшись пониже, чтобы спрятаться от ветра, шелкнул серебряной зажигалкой “Зиппо” с выгравированными оленями и закурил сигарету. Потом распрямился, выпустил дым из ноздрей и замер, любуясь видом на озеро Киву. С террасы была видна уходящая вдаль цепочка островов. Там, на другом берегу, уже в Руанде, находился город Чьянгугу. Мама неотрывно смотрела в ту сторону. Наверно, каждый раз, когда мы приходили к Жаку, ее одолевали мрачные мысли. Она покинула Руанду в 1963 году, в ночь резни, при свете пожара – ее дом подожгли; до родины, где она не была с четырех лет, отсюда рукой подать, всего несколько километров.

По безукоризненному газону Жака прохаживался старый садовник, ритмично взмахивая косой, будто играл в гольф. Зеленые с металлическим блеском колибри порхали перед нами, перелетая с цветка на цветок и радуя глаз замысловатым воздушным балетом. Пара венценосных журавлей дефилировала в тени лимонов и гуав. Сад был полон жизни, переливался всеми красками, источал тонкий цитрусовый аромат. А дом из черного пористого базальта со склонов вулкана Нырагонго и дерева редких пород, привезенного из национального парка Ньонгве, напоминал швейцарское шале.

Жак взял со стола колокольчик и позвонил – тотчас явился повар. Его одеяние – колпак и белый фартук – плохо вязалось с босыми потрескавшимися ногами.

– Принеси нам еще три бутылки пива и убери этот мусор! – приказал Жак.

– Как дела, Эварист? – спросила повара мама.

– Неплохо, мадам, божьей милостью!

– Бог тут ни при чем! – возразил Жак. – Ты неплохо живешь потому, что в Заире еще осталась горстка белых, на них-то все и держится. Если бы не я, ты был бы нищим, как все твои сородичи.

– Для меня бог – это ты, хозяин! – с хитрецей в голосе ответил повар.

– Так я тебе и поверил, макака!

Оба рассмеялись, а Жак прибавил:

– Подумать только, ни с одной женщиной я никогда не мог ужиться дольше трех дней, а с этим шимпанзе вот уж тридцать три года ношусь!

– Женился бы на мне, хозяин!

– *Funga kimwa!*¹ Чем языком болтать, тащи-ка пиво поскорее! – Жак снова закатился хохотом, а под конец так хрипло закашлялся, что я чуть не вытошнил все кровати.

Повар удалился, напевая какую-то духовную песню. Жак энергично высморкался в платок с вышитым вензелем, опять закурил, уронил пепел на лакированный пол и сказал папе:

– В последний раз, когда я был в Брюсселе, врачи велели мне бросать курить, а то подохну. Каких только напастей я тут не пережил: войны, грабители, нужда, Боб Денар² и Колвези³, тридцать лет этой долбаной заирианизации, и чтобы после всего этого меня прикончило курево? Черта с два!

¹ Заткнись! (*суахили*)

² Боб (Робер) Денар (1929–2007) – так называемый Король наемников, активный участник многих вооруженных конфликтов в Азии и Африке. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.*)

³ Колвези – город в Конго-Заире, где в мае 1978 г. произошла кровопролитная битва между сторонниками и противниками президента Мобуту.

Его руки и лысая голова были усеяны старческими пятнами. Я впервые видел его в шортах. Безволосые белые ноги никак не сочетались с медной кожей рук и сморщенным, прокаленным солнцем лицом, как будто его тело было собрано из разнородных частей.

– А может, доктора и правы, Жак, и надо бы тебе смолить поменьше, – участливо сказала мама. – Три пачки в день – многовато.

– Тебя еще не хватало, – огрызнулся Жак, не повернув головы в сторону мамы, как будто ее тут и не было, и по-прежнему обращаясь только к папе. – Мой отец курил как паровоз и прожил до девяносто пяти лет. Да как еще прожил! Нам такое не снилось. Конго при Леопольде Втором! Сильный мужик был мой папаша. Это он построил железную дорогу Кабало – Калемие. Теперь она давно уже не действует, как и все остальное в этой проклятой стране. Сплошной бардак, честное слово!

– Так почему бы тебе все тут не продать? Переезжай в Бужумбуру. Там получше, чем здесь, – с воодушевлением сказал папа. Он всегда загорался, когда ему приходила в голову новая идея. – Жилья там завались, у меня куча предложений! Сегодня это страшно выгодно!

– Продать? Еще чего! Меня сестра все в Бельгию зовет. Мол, возвращайся, Жак, пока не поздно. В Заире все всегда кончается одним: белых грабят и режут. Ну-ну! Представляешь себе: я в какой-нибудь квартирке в Икселе⁴, а? Я там и вовсе никогда не жил, а уж сейчас-то, в моем возрасте, попрусь? В Брюссель я в первый раз попал в двадцать пять лет с двумя пулями в брюхе, которые схватил, когда сидел в засаде, мы тогда били коммунистов в Катанге. Попал на операционный стол, меня залатали, и я тут же назад! Да я больше заирец, чем негры. Я тут родился и тут умру! Бужумбура подходит мне на недельку-другую: подписать парочку сделок, пожать руки нескольким важным *бвана*⁵, обойти старых друзей-приятелей, а потом обратно, домой. Бурундийцы мне не по нутру. С заирцами хоть поладить легко. *Матабиши-бакишиши* – и порядок! А бурундийцы... непростой народ! Левое ухо правой рукой чешут!

– Я это с утра до ночи твержу Мишелю, – сказала мама. – Мне тоже все в Бурунди осточертело.

– Ты – другое дело, Ивонна, – отмахнулся папа. – Ты спишь и видишь жить в Париже, это твой бзик.

– Да, так было бы лучше для тебя, для меня, для детей. Скажи, какое у нас будущее в Бужумбуре? Так и будем жить в убожестве?

– Не начинай, Ивонна! Это твоя родина.

– Нет, нет и нет! Моя родина – Руанда. Вон она перед тобой! Я беженка, Мишель. И всегда такой была для бурундийцев. Они мне это ясно дали понять: оскорблениями, гнусными намеками, квотами для инородцев и процентной нормой в школе. Так что уж предоставь мне думать о Бурунди, что хочу!

– Но, дорогая, – папа заговорил фальшиво примирительным тоном, – посмотри вокруг. Какие горы, озера, какая природа. У нас хорошие дома, прислуга, много места для детей, прекрасный климат, дела идут неплохо. Что тебе еще надо? В Европе такой роскоши ты не получишь. Поверь мне! Там далеко не рай, как ты воображаешь. Думаешь, почему я вот уж двадцать лет строю свою жизнь в этих краях? Почему Жак не хочет возвращаться в Бельгию, а остается здесь? Да потому что здесь мы привилегированные люди. А там – никто. Как же ты не поймешь?!

– Тебе хорошо говорить, а я-то знаю изнанку всех здешних прелестей. Ты видишь зеленые холмы, а я знаю, в какой нищете живут там люди. Ты восхищаешься красивыми озерами, а я чувствую запах метана, который залегает там на дне. Ты уехал из мирной Франции в Африку в

⁴ *Иксель* – коммуна в Брюсселе.

⁵ *Бвана* – господин (*суахили*).

поисках приключений. На здоровье! Но я-то, я хочу безопасности, которой никогда не имела, хочу спокойно растить детей в стране, где не боишься, что тебя убьют, потому что ты...

– Ну, хватит, Ивонна! Этот твой бред и навязчивый страх, что тебя все преследуют! Вечно ты все драматизируешь. Теперь, когда у тебя есть французский паспорт, бояться нечего. И живешь ты не в лагере беженцев, а на своей вилле в Бужумбуре, так не выступай, пожалуйста!

– Что мне твой паспорт – он не меняет дела, опасность подстерегает повсюду. Но то, о чем я говорю, тебе, Мишель, неинтересно. Ты приехал сюда, чтобы играть в свои игры, потакать своим капризам балованного европейца.

– Что ты несешь! Надоело, нет сил! Сколько африканских женщин мечтали бы оказаться на твоём месте.

Мама так грозно посмотрела на отца, что он осекся на полуслове. А она холодно сказала:

– Не заговаривайся, дорогой мой. Не советую ходить по этой дорожке. Тебе, бывшему хиппи, расизм не идет. Предоставь это Жаку и другим настоящим колонистам.

Жак поперхнулся сигаретным дымом. Но маме хоть бы хны, она встала, швырнула салфетку папе в лицо и ушла.

В ту же минуту появился повар с нахальной ухмылкой, принес бутылки пива на пластмассовом подносе.

– Ивонна! Немедленно вернись! И извинись перед Жаком! – закричал отец, привстав со стула и опираясь на стол.

– Брось, Мишель, – сказал Жак. – Эти бабы...

3

Несколько дней после этого отец пытался всячески задобрить маму шутками, ласковыми словами, но она хранила неприступный вид. Как-то в воскресенье ему вздумалось отвезти нас пообедать всей семьей в поселок Реша на берегу озера, за шестьдесят километров от Бужумбуры. Это было последнее воскресенье, которое мы провели вместе, вчетвером.

Окна в машине были открыты, и ветер свистел так сильно, что мы почти не слышали друг друга. Мама сидела как каменная, а папа старался заполнить молчание и то и дело что-то объяснял нам, хоть мы его и не просили:

– Смотрите, вот хлопковое дерево. Его привезли в Бурунди немцы в конце девятнадцатого века. Из его плодов делают капок – волокно, которым набивают подушки.

Дорога шла на юг вдоль озера, прямо к танзанийской границе. Папа продолжал просвещать сам себя:

– Танганьика – самое длинное и самое рыбное озеро в мире. Оно вытянулось на шестьсот с лишним километров и занимает площадь больше, чем площадь всей Республики Бурунди.

Сезон дождей подходил к концу, над нами сияло чистое небо. На другом берегу, в полу-сотне километров от нас, на склонах заирских гор блестели под солнцем черные черепичные крыши. Над вершинами хребта клочками ваты висели белые облака.

Мост через реку Мугере снесло последним наводнением, так что мы переехали ее вброд. В салон просочилась вода, и папа запустил полный привод – первый раз с тех пор, как купил свой “паджеро”.

В Реше мы нашли вывеску ресторана “Кастель”. Заехали по грунтовой дорожке на парковку, где сидели под манговыми деревьями и искали друг у друга блох несколько зеленых маргашек. Перед входом в ресторан стояло какое-то странное сооружение с семафором на красной черепичной крыше и медной табличкой с изображением фараона Эхнатона.

Мы устроились на террасе, под зонтиком “Амстель”. За другим столиком, возле бара, расположился какой-то министр с семейством. Их охраняли два вооруженных солдата. Министерские дети вели себя еще тише, чем мы. Сидели не шевелясь и только иногда робко тянулись к стоявшей между ними бутылке фанты. Из динамиков негромко лилась музыка – хриплая запись Чанжо Амиси⁶. Папа раскачивался на пластмассовом стуле и крутил на пальце ключи. Мама смотрела на нас с сестрой и грустно улыбалась. Подошла официантка, мама продиктовала заказ: “Четыре рыбных шашлыка по-капитански, два сока, два пива “Амстель”. Она всегда так разговаривала с прислугой – в телеграфном стиле.

Ждать часто приходилось добрый час. Обстановка за столом была невеселая: папа позвякивал ключами, мама натянуто улыбалась, поэтому мы с Анной улизнули и побежали к озеру купаться. “Берегитесь крокодилов!” – крикнул нам вслед папа, чтобы нагнать страху. В десятке метров от берега из воды торчал гладкий камень, точно спина бегемота. Мы добежали до него, а потом доплыли до железной вышки – с нее можно нырять и смотреть, как сплывают меж камнями в бирюзовой воде юркие рыбки.

Забираясь по лесенке, я увидел на берегу маму в белом костюме с широким кожаным коричневым поясом и в красном платке на голове. Она махала нам – звала к столу.

После обеда папа нас повез в лес, в заповедник Кигвена, смотреть на бабуинов. Около часа мы шли по глинистой тропинке, но не видели никого, кроме зеленых турако на деревьях. Папа с мамой по-прежнему не разговаривали и не смотрели друг на друга. Мои туфли были облеплены грязью. Ана бежала впереди, чтобы первой углядеть обезьян.

⁶ Чанжо Амиси – бурундийский певец.

Потом папа показал нам завод по производству пальмового масла в Румонге, строительством которого он управлял, когда только приехал в Бурунди, в 1972 году. Машины были старые, и все здание, казалось, покрывала липкая пленка. Горы плодов сушились на больших синих подстилках. Вокруг на километры росли пальмы. Папа подробно рассказывал нам, как выжимают масло, а мама тем временем вернулась в машину. На обратном пути она подняла стекла и включила кондиционер. Потом поставила кассету Хаджи Нин⁷. Мы с Анной запели “Самболеру”. Мама подхватила. У нее был чудесный ласковый голос, от которого по телу бежали мурашки, как от кондиционера. Хотелось выключить кассету и слушать только ее.

Проезжая через рынок в Румонге, папа переключил скорость и попутно положил руку маме на колено. Она стряхнула ее, будто отогнала муху от тарелки с едой. Папа быстро взглянул в зеркальце заднего вида – я притворился, что смотрю в окно и ничего не видел. На 32-м километре мама купила несколько шариков убсагве (холодной маниоковой пасты), завернутых в банановые листья, и сложила их в багажник. Под конец мы остановились у мемориального камня на месте встречи Ливингстона и Стенли. С надписью: “Ливингстон, Стенли, 25-ХІ-1889”. Мы с Анной стали играть в двух первопроходцев: “Доктор Ливингстон, я полагаю?” Папа с мамой стояли чуть поодаль и наконец-то разговаривали. Я надеялся, что они помирятся, папа обнимет маму своими сильными руками, мама положит голову ему на плечо и они пойдут обратно, к банановой плантации, взявшись за руки. Но вскоре понял, что они ссорятся: размахивают руками, тычут друг в друга пальцем. Теплый ветер не давал расслышать слов. За спиной у них колыхались банановые листья, стайка пеликанов пролетала над мысом, красное солнце садилось за горами, ослепительный свет заливал искрящиеся воды озера.

А ночью мама бушевала так, что дом ходил ходуном. Звенело стекло, грохотали окна, бились об пол тарелки.

– Успокойся, Ивонна! – повторял папа. – Перебудишь всю округу.

– Пошел к черту!

Рыдающий голос мамы будто забился грязью и мелкими камнями. Слова текли как кровь из раны, трескучая брань сотрясала ночь. Потом шум выплеснулся из дома во двор. Мама страшно кричала у меня под окном, вдребезги разнесла ветровое стекло нашей машины. На миг все затихло, и снова накатила ярость, захлестнув все вокруг. Я проковырял мизинцем дырку в марлевом пологе от комаров и видел, как мечутся папины и мамины ноги в щелке света под дверью. Их голоса перемешивались, срывались на высоких и басовых нотах, рикошетом отскакивали от каменного пола, эхом отдавались под навесным потолком. Я перестал понимать, французский это или кирунди, крик или плач, дерутся мои родители или грызутся насмерть уличные собаки. Я из последних сил вцепился в свое счастье, но, как ни старался его удержать, оно выскальзывало из рук, сочилось липким пальмовым маслом, как тот завод в Румонге. Да, это было последнее воскресенье, которое мы провели вместе, вчетвером. В ту ночь мама ушла из дому, папа остался один и еле сдерживал рыдания, Анна спала без задних ног, а я все раздираю мизинцем марлю, которая всегда защищала меня от комариных укусов.

⁷ *Хаджа Нин* – популярная в 90-е годы бурундийская певица. “Самболера” – одна из лучших ее этнических песен.

4

К Рождеству все худо-бедно утряслось. Родители долго спорили, с кем из них мы проведем праздники, и в конце концов договорились: я останусь с папой, а Ана поедет с мамой к ее тете Эзеби, которая жила в Кигали, в Руанде. Первый раз с 1963 года мама возвращалась в Руанду. Казалось, после новых мирных соглашений между правительством и мятежным Руандийским патриотическим фронтом, состоящим из детей беженцев, маминых ровесников, ситуация должна стать более стабильной.

Ну а мы с папой провели Рождество вдвоем. Я получил в подарок красный велосипед ВМХ, украшенный разноцветными кожаными кисточками на концах руля. И был так счастлив, что утром двадцать пятого декабря, чуть только рассвело, не дожидаясь, пока проснется папа, побежал показывать свой велосипед близнецам из дома напротив, в начале нашего тупика. Они были поражены. Мы стали выделывать зигзаги на велосипеде по гравию. И тут явился папа, в полосатой пижаме, злой, и при всех закатил мне оплеуху, за то что я без спроса ушел из дому так рано. Я не заплакал, вернее, несколько слезинок пролилось, но скорее из-за пыли, которую мы подняли своими вензелями, или из-за застрявшей в глазу мошки.

На Новый год папа решил свозить меня на экскурсию в лес Кибира. Мы переночевали в деревне у пигмеев-гончаров, расположенной на высоте более 2300 метров над уровнем моря. Температура было около нуля. В полночь папа дал мне отхлебнуть бананового пива, чтобы согреться и в честь наступившего нового, 1993 года. Потом мы все улеглись на земляной пол вокруг костра, тесно прижавшись друг к другу, и заснули.

Рано утром мы с папой на цыпочках вышли из хижины. Пигмеи еще спали, положив головы на калобасы с урвагва, банановым пивом. Земля заиндевела, росинки превратились в белые кристаллики, вершины эвкалиптов тонули в густом тумане. Мы пошли по извилистой лесной тропе. Я поймал на трухлявом стволе большого черно-белого жука и посадил его в железную коробку как первый экземпляр будущей коллекции насекомых. По мере того как солнце поднималось все выше, становилось теплее, рассветная прохлада сменилась влажной духотой. Папа шел впереди, волосы его от пота потускнели и закудрявились на затылке. Лес прорезали крики бабуинов. Время от времени я вздрагивал от шороха в зарослях папоротника – наверное, пробежал сервал или цивета. Под вечер мы встретили группу пигмеев с целой сворой собак, ньям-ньям-терьеров. Пигмеи жили в деревне кузнецов, а сейчас возвращались с охоты, с луками за спиной и добычей, состоявшей из тушек кротов, гамбийских крыс и одного шимпанзе. Папа восхищался этими низкорослыми людьми, чей образ жизни не менялся тысячелетиями. Мы расстались с пигмеями, но он еще долго с грустью рассказывал мне, что современный мир, технический прогресс и евангелизация обрекают их на исчезновение.

На обратном пути, перед тем как выйти из леса к машине, папа остановил меня:

– Встань вон туда! Я сфотографирую тебя на память.

Я вскарабкался на дерево с раздвоенным, как рогатка, стволом и встал в развилку. Папа взвел затвор. Внимание! Раздался щелчок и звук перемотки. Это был последний кадр пленки.

В деревне мы поблагодарили пигмеев за гостеприимство. Мальчишки несколько километров бежали за нашей машиной и пытались прицепиться к ней сзади, пока мы не доехали до асфальтовой дороги. На крутом спуске к Бугараме нас постоянно обгоняли велосипедисты-камикадзе, они неслись быстрее автомобилей, с багажниками, нагруженными огромными гроздьями бананов или мешками с углем весом в несколько десятков килограммов. Падение на такой скорости часто кончается смертью, малейший занос – и слетишь в пропасть, прямо на кладбище танзанийских грузовиков и замызганных микроавтобусов. По встречной полосе те же самые велосипедисты, доставив свой товар в столицу, ехали обратно, в гору, придерживаясь

за бамперы грузовиков. Я представил себе, как несусь на своем красном велике с кисточками вниз по виражам в Бугараму, обгоняя на бешеной скорости грузовики и легковушки, а потом дома, в Бужумбуре, Арман, Жино и близнецы встречают меня бурными криками, как победителя велогонки Тур-де-Франс.

Уже стемнело, когда мы подъехали к дому. Папа долго сигналил перед воротами с табличкой “Злая собака. Imbwa Makali”. Наконец ворота открыл хромой садовник, за ним бежала наша бело-рыжая курчавая собачка, лихая помесь мальтийской болонки и крысарика, ни сном ни духом не подозревавшая, что именно к ней относится грозная надпись.

– А где Каликст? – спросил папа, выйдя из машины. – Почему ворота открываешь ты?

– Каликст исчез, хозяин.

Собачка вилась у него под ногами. Она была бесхвостая, поэтому в знак радости виляла всем задом. И вздергивала губу, как будто улыбалась.

– Как это исчез?

– Ушел рано утром и больше не вернется.

– Да в чем дело-то?

– Неприятная история с Каликстом, хозяин. Вчера мы отмечали Новый год. Когда же я заснул, он залез в сарай и украл много разных вещей. Потом исчез. А я обнаружил пропажу.

– Что он украл?

– Тачку, ящик с инструментами, шлифовальную машинку, паяльник, две банки краски...

Садовник все перечислял пропажи, но папа замахал руками и перебил его:

– Ладно, ладно! В понедельник подам иск.

– А еще он украл велосипед месье Габриэля, – успел прибавить садовник.

У меня сердце оборвалось при этом известии. Чтобы Каликс мог сделать такое – как это может быть! Я горько заплакал. От обиды на весь мир.

– Не плачь, Габи, найдется твой велосипед! – утешал меня папа.

5

Вследующее воскресенье, последний день каникул, вернулась из Руанды Ана. Мама привезла ее после обеда. Волосы ее были заплетены в тоненькие косички из очень светлых прядей. Папе не понравилось, слишком вульгарный цвет для маленькой девочки, сказал он. Они с мамой опять поругались, она сразу рванула обратно на своем мотоцикле, я даже не успел поцеловать ее и поздравить с Новым годом. И долго еще стоял на крыльце – был уверен, что она вспомнит про меня и вернется.

Позже зашли близнецы и рассказали, как они провели каникулы у бабушки в деревне:

– Это было ужасно! Там даже нет ванной, мыться приходится голышом во дворе, у всех на виду! Ей-богу!

– Полукровки, как мы, там в диковинку, так деревенские ребята разглядывали нас сквозь забор. И кричали: “Глянь, беложопые!” Обидно же! Бабушка кидалась в них камнями, отгоняла.

– И по ходу дела увидела, что мы необрезанные.

– Знаешь, что такое обрезание?

Я помотал головой.

– Это когда тебе обрезают пипчик.

– Бабушка попросила дядю Состена, чтобы он нас обрезал.

– Мы тоже тогда еще не знали. Поэтому сначала не обратили внимания. Бабушка говорила с дядей на кирунди, мы ничего не понимали, видели только, что она все время показывает пальцем на наши ширинки. Мы почуяли, что они затевают какую-то пакость, и хотели позвонить родителям. Но, говорю же, там деревня, глушь, ни телефонов, ни электричества. А туалет там знаешь какой – просто яма в земле, и над ней постоянно туча мух! Ей-богу!

Близнецы каждый раз божились одинаково: говорили “ей-богу!” и проводили по горлу пальцем, как ножом, будто курицу резали, а под конец громко щелкали пальцами.

– Дядя Состен пришел с нашими старшими двоюродными братьями Годфруа и Бальтазаром. Те отвели нас в какую-то землянку на краю деревни, там внутри стоял деревянный стол.

– Дядя купил в лавке бритвенное лезвие.

– Годфруа держал мне руки за спиной, а Бальтазар зажал ноги. Дядя снял с меня штаны. Схватил мой пипчик, положил на стол, вытащил бритву из обертки, натянул кожу и ррраз! Отрезал самый кончик! А потом полил соленой водой для дезинфекции. Ей-богу!

– Уй-уй-уй! Я когда это увидел, помчался прямо в лес, как антилопа от гепардов. Но братья меня догнали, скрутили и ррраз! То же самое!

Отрезанные кончики дядя положил в спичечный коробок и отдал бабушке. Она открыла коробок, чтобы проверить работу. И расплылась от удовольствия – прям тебе сатисфакшн, как поют “Роллинг Стоунз”! Злая ведьма, ей-богу! Мало того, она еще и похоронила эти наши кусочки во дворе, под бананами!

– Наши кусочки попали в рай! Упокой, боже, их душеньки!

– Аминь!

– Но это не все! Потом нас обрядили, как девчонок, в платя, потому что штаны натерли большое место, еще бы!

– Платье – позор на весь свет!

– Родители ужасно удивились, когда приехали за нами и увидели, что мы ходим в таком наряде. Отец спросил, с чего это мы нацепили юбки.

– Мы всё и выложили. Папа напустился на бабу, кричал, что мы французы, а не евреи!

– Но мама ему объяснила, что это делается ради гигиены. Чтобы туда не забивалась грязь.

К концу рассказа близнецы всегда выдыхались. Потому что бурно размахивали руками, показывая жестами все, о чем говорили. Так что их понял бы даже глухой. И словами они перекидывались, как жонглеры шарами. Не успевал один договорить, как другой подхватывал фразу и продолжал лопотать – так бегуны передают друг другу эстафетную палочку.

– Я вам не верю! – сказал я.

Ведь близнецы любили и приврать. Один начнет заливать – другой с ходу продолжит, им даже сговариваться не надо. Такой у них был дар. Папа называл их мастерами художественного трепы и чемпионами автовралли. Когда я сказал, что не верю, они хором воскликнули “Ей-богу!”, ширкнули пальцем по горлу и щелкнули пальцами. А потом оба разом спустили штаны. Я увидел две сизо-фиолетовых, как сырое мясо, висюльки и закрыл глаза, чтоб не стошнило. Близнецы подтянули трусы и сказали:

– А знаешь, мы видели там, в деревне у бабушки, как кто-то катался на твоём велике. Ей-богу!

6

Меня разбудил хриплый папин голос: “Габи! Габи!” Я живо вскочил – испугался, что опоздаю в школу. Наверно, я опять проспал, вот папа меня и зовет. Другое дело Ана – она всегда готова заранее: волосы аккуратно причесаны, заколоты, лицо протерто кокосовым молочком, зубы почищены, туфли блестят. Она даже предусмотрительно ставила с вечера в холодильник свою фляжку, чтобы вода оставалась холодной все утро. Уроки она тоже всегда делала заранее и затверживала наизусть. Просто нет слов! Мне всегда казалось, что Ана старше меня, хотя на самом деле она была на три года младше. Я выскочил в коридор и увидел, что папина дверь закрыта. Он еще спал. Опять я повелся – это кричал не папа, а попугай его голосом.

Я сел перед его клеткой на террасе. Попугай грыз арахис, чинно держа каждый орешек лапками. Пробивал клювом-крючком скорлупу и вытаскивал зернышки. Он внимательно посмотрел на меня своими желтыми с черными зрачками глазками, просвистел начало “Марсельезы” – папа его научил, – а потом просунул голову между прутьями клетки, чтобы я его приласкал. Я гладил серые птичьи перышки и ощущал под пальцами теплую розовую кожуцу у него на затылке.

По двору шествовала цепочка гусей, вот они прошли мимо ночного сторожа, который сидел на циновке, до ушей закутавшись в толстое серое одеяло, и слушал по маленькому приемничку новости на кирунди. В эту минуту в воротах показался наш повар Протей, прошел по аллее, поднялся по трем ступенькам на террасу и поздоровался со мной. Он сильно похудел, осунулся и как-то резко одряхлел, хотя и раньше выглядел старше своего возраста. Его не было у нас почти месяц – он болел церебральной малярией и чуть не умер. Папа оплатил все медицинские расходы, включая услуги местного целителя. Протей прошел на кухню, я за ним, он снял городскую одежду и переоделся в рабочую: ветхую рубашу, короткие штаны и яркие пластиковые шлепанцы. Потом оглядел содержимое холодильника и спросил:

– Вам приготовить омлет или глазунью, месье Габриэль?

– Глазунью из двух яиц, пожалуйста.

Мы с Аной уселись на террасе в ожидании завтрака, вскоре явился и папа. На лице у него было несколько свежих порезов, за левым ухом осталась пена для бритья. Протей внес на большом подносе термос с чаем, баночку меда, блюдце сухого молока, маргарин, желе из красной смородины и мою глазунью, с хрустящей корочкой по краям, как я любил.

– Здравствуй, Протей! – сказал папа, подняв глаза на его землистое лицо.

Повар застенчиво кивнул в ответ.

– Ну как, тебе лучше?

– Намного лучше, спасибо, месье. Большое спасибо вам за помощь. От всей нашей семьи. Мы молимся за вас, месье.

– Не стоит благодарности. Ты же знаешь, все расходы на лечение будут вычтены из твоего жалованья, – сухо ответил папа.

Улыбка Протея погасла. Он удалился на кухню с пустым подносом. А к столу вразвалочку подошел Донасьен. На нем был темный легкий абакост, подобие пиджака с короткими рукавами, который носят без рубашки и галстука, такую одежду Мобуту обязал носить заирцев в пику европейской колониальной моде. Донасьен двадцать лет работал у папы прорабом и был самым верным из его служащих. Рабочие на стройке звали его *мзее*, старик, хотя ему было не больше сорока. Он был заирец, а в Бурунди приехал после школы, пошел работать на тот самый масляный завод в Румонге, которым в то время управлял папа. И остался навсегда. Жил он в северной части города, в районе Каменге, с женой и тремя сыновьями. Из нагрудного кармашка у него торчали колпачки авторучек, и он всегда носил с собой в сумке крокодиловой

кожи Библию, которую читал при каждом удобном случае. По утрам папа инструктировал его и выдавал деньги, чтобы расплатиться с поденщиками.

Вслед за ним пришел Инносан за ключами от рабочего пикапа. Молодой, лет двадцати, бурундиец. Высокий, стройный, с вертикальным шрамом на лбу, придававшим ему суровый вид, – впечатление, которое он охотно поддерживал. Во рту вечно торчала зубочистка, которую он перекачивал справа налево и обратно. Одет в широкие брюки, бейсболку и белые массивные кроссовки, на руке красно-черно-зеленый – цвета панафриканского флага – махровый напульсник. Он часто бывал не в духе и высокомерно держался с другими служащими, но папа его очень ценил. Инносан был не просто шофер, ему можно было поручить что угодно. В Бужумбуре он знал всё и всех и повсюду имел связи. Среди автомехаников в Бвизе, жестянщиков в Буйензи, торговцев из азиатских кварталов, военных из лагеря Муга, проституток из Квижабе, мясников с центрального рынка. Он всегда знал, кого надо подмазать, чтобы какие-нибудь деловые заявки не валялись месяцами на столе у мелких чиновников. Его никогда не останавливали полицейские, а уличные мальчишки бесплатно караулили его машину.

Отдав распоряжения, папа вылил остатки чая из термоса в горшок с понурым олеандром, просвистел пару тактов “Марсельезы” попугаю, и мы сели в машину.

7

Бужумбургская французская школа занимала большую территорию, где располагались детский сад и все классы от подготовительного до выпускного. Главных входов было два. Первый, со стороны стадиона Принца Луи Рвагасоре и бульвара Независимости, вел к зданию администрации, средним классам и лицее. Второй, с угла улицы Муйинга и бульвара Упрона, – в детский сад. Начальная школа находилась между ними. Папа по привычке высаживал нас у малышейового входа.

– Инносан заберет вас в двенадцать и отвезет в лавку к матери. А я еду на дальнюю стройку и буду завтра.

– Хорошо, папа, – послушно отвечала Ана.

– Габриэль, в субботу поедешь с Инносаном и Донасьеном в Чибитоке разбираться с твоим велосипедом. Ты нужен, чтобы точно его опознать. Не волнуйся, получишь свой велик обратно.

В тот день весь класс был взбудоражен. Учитель раздал нам письма от учеников пятого класса орлеанской школы, из Франции. Было страшно интересно узнать, кто тебе пишет. Мне достался конверт, на котором мое имя было написано большими розовыми буквами и окружено французскими флагами, звездочками и сердечками. От бумаги сильно пахло сладкими духами. Я бережно развернул письмо. Почерк был ровный, с наклоном влево.

Пятница 11 декабря 1992 г.

Дорогой Габриэль!

Меня зовут Лора, мне десять лет. Я, как и ты, учусь в пятом классе. Я живу в Орлеане, в доме с садом. Я высокого роста, у меня светлые волосы до плеч, зеленые глаза и веснушки. У меня есть младший брат Матье. Мой папа – врач, а мама не работает. Я люблю играть в баскетбол, умею печь блинчики и печенье. А ты?

Еще я люблю петь и танцевать. А ты? Я люблю смотреть телевизор. А ты? Читать я не люблю. А ты? Когда я вырасту, стану, как папа, врачом. На каникулы я всегда езжу к родственникам в Вандею. В будущем году я пойду в новый парк аттракционов, который называется Диснейленд. Знаешь такой? Ты можешь прислать мне свою фотографию?

С нетерпением жду ответа.

Целую.

Лора.

P. S. Ты получил рис, который мы вам послали?

Лора вложила в конверт свою фотографию. Она была похожа на куклу моей сестренки. Письмо меня смутило. Вспыхнули щеки от этого “Целую”. Я чувствовал себя так, будто получил посылку с конфетами, будто передо мной распахнулись двери в таинственный, неведомый мир. Французская девочка Лора с зелеными глазами и светлыми волосами, живущая где-то очень далеко, готова была поцеловать меня, Габи из Кинаниры. Я боялся, что кто-нибудь заметит мое смятение, поэтому быстро сунул фотографию в портфель, а письмо вложил обратно в конверт. Но сам уже прикидывал, какую фотографию пошлю ей.

Учитель велел всем написать ответ на письма.

Понедельник 4 января 1993 г.

Дорогая Лора!

Меня зовут Габи. Всё ведь как-нибудь называется. Дороги, деревья, насекомые. Например, мой район называется Кинанира. Наш город называется Бужумбура. А страна – Бурунди. У моей сестры, мамы, папы, моих друзей тоже есть имена. И они их не выбирали. Какое тебе дали имя при рождении, с тем и живешь. А я однажды попросил тех, кого люблю, звать меня не Габриэлем, а Габи, хотелось выбрать самому вместо тех, кто выбрал вместо меня. Так что зови меня, пожалуйста, Габи, ладно? У меня темные глаза, поэтому я всех вокруг вижу темными. Маму, папу, сестру, Протея, Донасьена, Инносана – они все цвета кофе с молоком. Каждый видит мир таким, какого цвета его глаза. У тебя они зеленые, значит, я для тебя буду зеленый. Я люблю много разных вещей, которые вообще-то не люблю. Люблю мороженое, но не мороз. Люблю бассейн, но не хлорку. Люблю школу за друзей и веселье, но не люблю уроки. Грамматика, спряжения, умножение, сочинение, наказание – муть и жуть! Я, когда вырасту, хочу стать механиком, чтобы никаких неполадок в жизни не было. Когда что-то ломается, надо уметь починить. Но это еще не скоро, мне всего десять лет, а время идет так медленно, особенно по вечерам, когда нет школы, и по воскресеньям, потому что у бабушки очень скучно. Два месяца назад нас собрали на школьном дворе и сделали прививку от менингита. Говорят, менингит – ужасная болезнь, если заболеешь, мозги перестанут работать. Вот наш директор и уговорил всех родителей, чтобы нам сделали этот укол, ну и правильно: он же директор и отвечает за наши мозги. В этом году будут выборы президента Республики Бурунди. Первый раз. Я еще не смогу голосовать, придется подождать, пока стану механиком. Но я тебе напишу, кто победил. Обещаю!

До свидания.

Целую.

Габи.

P. S. Про рис – спрошу.

8

Мы с Инносаном и Донасьеном выехали из дому совсем рано утром. Пикап катил быстрее, чем обычно, когда кузов у него бывал завален мешками цемента, лопатами и кирками. А ведь наша тройца выглядит довольно странно, подумал я, когда мы миновали первый блокпост на выезде из Бужумбуры. Что бы мы сказали солдатам, останови они нас? Что мы ни свет ни заря отправились через всю страну искать ворованный велик? Видок у нас в самом деле был подозрительный. Сидевший за рулем Инносан, как всегда, жевал зубочистку. Меня бесила эта его манера. А ее усвоили все бужумбурские шалопаи. Всем им, как нашему Инносану, хотелось выглядеть ковбоями, крутыми парнями. Началось небось с того, что какой-нибудь один дурак посмотрелся в кино “Камео” фильмов с Клинтом Иствудом, а за ним и другие туда же, новая мода распространилась со скоростью ветра. В неспешной бужумбурской жизни только слухи да мода расходятся быстро.

Донасьен неудобно сидел и злился с самого отъезда. Он помещался в середине и не мог нормально поставить ноги из-за переключателя скоростей. Поэтому он скособочился, плечом чуть не налегал на Инносана, а ноги отодвинул в сторону. И все из-за того, что мне приспичило сидеть у окна, – шел дождь, а мне так нравилось следить за каплями, сбегаящими по стеклу, и, подышав на него, рисовать пальцем.

В Чибитоке дождя уже не было. Донасьен боялся, что пикап завязнет в грязи, поэтому он велел Инносану остановиться, не сворачивая на дорожку, которая вела к самому дому бабушки близнецов, и предложил пойти пешком. Но Инносан не хотел пачкать белые кроссовки, так что он остался в кабине полировать свои гнилушки зубочисткой, а мы с Донасьеном пошли вдвоем.

На холмах ты все время на виду, даже если думаешь, что вокруг никого; сотни пар глаз следят за тобой, и весть о твоём появлении обгоняет тебя на километры и разносится по склонам, рикошетом отскакивая от стен руго⁸. Поэтому старая хозяйка дома, к которому мы направлялись, уже ждала нас на пороге с двумя стаканами кислого молока в руках. Ни Донасьен, ни я почти не говорили на кирунди, во всяком случае, на сложном поэтическом кирунди, который в ходу у жителей холмов, тут скудной смесью французского и суахили не обойдешься никак. Я кирунди никогда не учил, в Буже все говорят по-французски. А Донасьен был заирец из Киву, его земляки чаще всего говорят только на суахили и хорошем, сорбоннском французском.

Тут, в глубине страны, все иначе. С такими людьми, как бабушка близнецов, нелегко объясниться, в их кирунди много разных тонкостей, он изобилует старинными поговорками и выражениями, относящимися к незапамятным временам, чуть ли не к каменному веку. Нашего с Донасьеном уровня на это не хватало. Старая женщина старалась объяснить нам, где найти нынешнего владельца велосипеда. Но мы не понимали ни словечка, а потому вместе с Годфруа и Бальтазаром, теми самыми братьями-обрезальщиками, вернулись к машине, чтобы Инносан послужил нам переводчиком. Братья согласились показывать дорогу, они забрались в кузов, мы сели в кабину и поехали назад по асфальту. Отъехав на два километра от Чибитоке, свернули к деревне и нашли там некоего Матиаса, которого близнецы видели верхом на моем велике. Оказалось, что этот Матиас продал его другому человеку по имени Станислав, из Гихомбы. Мы снова сели в грузовик вместе с братьями и Матиасом и очень скоро отыскивали упомянутого Станислава, но он уже продал велосипед какому-то крестьянину из Куригитари. Мы двинулись в Куригитари, пополнив компанию Станиславом. С крестьянином повторилась та же история, и вот мы снова едем, прихватив с собой еще и крестьянина, который взялся показать нам, где живет следующий покупатель, некий Жан-Боско из Гитабы. Но только мы добрались

⁸ Руго – глинобитная хижина под травяной крышей, традиционное жилище в Бурунди и Руанде. (Прим. автора.)

до Гитабы, как нам сказали, что Жан-Боско сейчас в Чибитоке. Возвращаемся в Чибитоке, находим там Жана-Боско и слышим, что тот продал велик одному крестьянину в Гитабе...

Разворачиваемся. Но тут, на главной улице Чибитоке нас останавливает полицейский и спрашивает, что это мы делаем, набившись в пикап вдвоем. Инносан начинает рассказывать всю эпопею: как у меня украли велосипед и как мы ищем нового владельца. Был полдень, зеваки стекались со всех сторон, и очень скоро вокруг нашего пикапа скопилось несколько сотен человек.

Мы стояли прямо напротив центрального казино, занимавшего первое место в городе по продаже спиртного. Там сидели бургомистр и еще несколько местных должностных лиц, доедали шашлык из козлятины и запивали теплым пивом. Собравшаяся вокруг нас толпа привлекла их внимание. Бургомистр медленно поднялся с табуретки. Подтянул брюки, рыгнул, поправил ремень и неспешной походкой усталого хамелеона направился к нам, расталкивая зевак. Толстое брюхо, жирные губы, мясные пятна на рубашке цвета хаки. Черты его продолговатого лица были довольно тонкими, но сзади оттопыривался здоровенный бабий курдюк, а спереди выпирал круглый тугой живот, как у беременной на сносях. Не бургомистр, а калebas.

Пока все эти господа точили лясы, я вдруг увидел в толпе Каликста. Того, кто украд мой велик! Я закричал, но поздно – Каликст метнулся в сторону с быстротой зеленой мамбы и дал деру. Весь город кинулся за ним вдогонку, точно за курицей, которую хотят зарезать на обед. Немного крови в снулый полуденный час действует бодряще. Народное правосудие – это звучит куда цивилизованнее, чем линчевание. К счастью, в тот день последнее слово осталось не за народом. Толпа настигла Каликста, но полиция быстро положила конец демократическому избиению. Бургомистр попытался овладеть ситуацией: встал в позу и, намереваясь утихомирить разгоряченные умы, начал возвышенную речь о том, как важно оставаться законопослушным гражданином. Но в такой час дня и в такую жару его ораторское вдохновение быстро иссякло. Он замолчал на полуслове и вернулся на законное место – перед кружкой пива, которым так приятно остудить свой собственный ум. Изрядно помятого Каликста отвели в местную тюрьму, а Донасьен подал официальный иск.

Каликст за решеткой, но велик-то мне не вернули! Значит, надо искать его дальше, ехать к крестьянину из Гитабы. А значит, возвращаться на тропу, которая ведет к бабушке близнецов. На этот раз Инносан, не слушая предостережений Донасьена, свернул прямо в грязь, хотя машина легко могла там увязнуть. Гитабой называлось место на вершине холма, где стоял саманный домик, крытый листьями банана. Мы поднялись к нему, и на какой-то миг у нас захватило дух – такой прекрасный открывался вид. Небо умыто дождем, жаркое солнце заливает огромную зеленую равнину, которую прорезает красно-кирпичная жилка реки Рузизи, от влажной почвы поднимаются спирали розоватого тумана. Донасьен любовался этой картиной в благоговейном молчании, а Инносану было абсолютно все равно, он чистил ногти той самой распроклятой зубочисткой, которую только что вынул изо рта. Красота мира – не по его части, ему интереснее выковыривать всякую гадость из разных частей тела.

Посреди двора на циновке какая-то женщина, стоя на коленях, молола сорго. Чуть позади сидел на табурете мужчина. Это и был сам крестьянин. Он пригласил нас войти. Если к нам домой кто-нибудь являлся без предупреждения, папа недовольно огрызался: “В чем дело?” Тут – все наоборот, нас встретили учтиво и приветливо. Мы вовсе не чувствовали себя чужаками. Нелепую компанию, вломившуюся ни с того ни с сего в этот дворик на холме, приняли как долгожданных гостей. Даже не справившись, зачем мы пришли, крестьянин пригласил нас во двор и предложил сесть. Он только что вернулся после работы в поле. Его босые ноги потрескались от пыли, одет он был в залатанную рубаху и закатанные до колена полотняные штаны. Облепленная землей мотыга стояла сзади, прислоненная к стене домика. Моло-

денькая девушка вынесла из дома три стула, женщина улыбнулась нам, не переставая размалывать сорго каменными жерновами.

Не успели мы сесть, как во двор въехал мальчишка, крутя педали моего велосипеда. Я, не раздумывая, сорвался с места, бросился к нему и вцепился в руль. Крестьянин и его домашние тоже встали и смотрели на нас недоуменно и растерянно. Мальчик от изумления нисколько не противился, когда я стал отнимать у него велосипед. Повисло неловкое молчание, Донасьен потряс за плечо Инносана, чтобы тот объяснил на кирунди, зачем мы пришли. Нечеловеческим усилием Инносан отлепился от стула, на котором успел так вольготно усесться. Ему было ужасно лень повторять историю, которую он только что изложил полицейским, но все же он еще раз пробубнил ее с начала до конца. Хозяева слушали молча. Лицо мальчишки кривилось все больше, по мере того как он понимал, к чему идет дело. Когда Инносан закончил, крестьянин в свою очередь пустился в объяснения, склонив голову набок и воздев руки к небу, будто умолял о пощаде. Он говорил, что долго откладывал деньги, отказывал себе во всем, чтобы сделать такой подарок сыну, что они бедные люди, добрые христиане. Инносан, казалось, не слушал его, ковырял своей зубочисткой в ухе, а потом с интересом рассматривал добытую оттуда дрянь. Донасьен был тронут горем хозяев, но сказать ничего не решался. Крестьянин еще лопотал, а Инносан уже подошел ко мне, взял велик и погрузил его в кузов. Семейству же крестьянина сухо и раздраженно посоветовал обратиться к тому, кто виноват в их горе и сидит сейчас в Чибитоке за решеткой. Пусть, дескать, предъявляют иск к Каликсу, чтобы вернул им деньги. Потом позвал в кабину меня. Нехотя подошел и Донасьен. Было видно, что он напряженно думает. Опустившись же на сиденье рядом со мной, он глубоко вздохнул и сказал:

– Пожалуйста, Габриэль, давай не будем забирать велосипед. То, что мы делаем, хуже, чем кража. Мальчишке страшно больно.

– Еще чего! – фыркнул Инносан.

Я тоже рассердился:

– А как же я? Мне тоже было больно, когда Каликст украл мой велик.

– Конечно, но для тебя это не такая ужасная потеря, как для него. Он очень бедный, и его отец выбивался из сил, чтобы сделать ему такой подарок. Если мы сейчас заберем велосипед, другого у него не будет никогда.

Инносан метнул на Донасьена злобный взгляд:

– Что ты несешь! Тоже мне, Робин Гуд нашелся! По-твоему, раз они бедные, то надо отдавать им чужое имущество?

– Инносан, мы с тобой оба выросли в такой же бедности. И прекрасно понимаем, что денег им никогда не вернут, так что они потеряют сбережения за много лет. Сам знаешь, как это бывает, дружок!

– Я тебе не дружок! Послушай моего совета: перестань жалеть этих людей. Тут, в глубинке, они все до единого обманщики и воры.

– Габриэль! – Донасьен опять обратился ко мне. – Мы можем сказать твоему отцу, что не нашли велосипед, и он купит тебе новый. Это будет наша маленькая тайна, и Господь нас простит, потому что мы солгали ради доброго дела. Чтобы помочь бедному мальчику.

– Ты собираешься солгать? – воскликнул Инносан. – А я-то думал, боженька тебе такого не простит! Отстань от Габриэля, не дави на него. Все равно это нищий мальчишка, на что ему такой роскошный велик? Поехали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.